

<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0740-3-292-314>

<https://elibrary.ru/EZCWZN>

УДК 821.161.1.0

ББК 83.3(2Рос=Рус)

Научная статья / Research Article

This is an open access article
Distributed under the Creative
Commons
Attribution-NonCommercial 4.0
(CC BY-NC)

© 2023 г. Ю.С. Подлубнова

«Я В РОЗОВОМ ПЛАТЬЕ, ВЕСЕЛОМ И ЯРКОМ...»: ЖЕНСКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ДЕБЮТЫ НА УРАЛЕ (1900–1930-е гг.)

Аннотация: Статья основана на обширном и в некоторых случаях не введенном ранее в научный оборот материале литературы Урала 1900–1930-х гг. Она разноаспектно рассматривает феномен женского литературного дебюта, понимая его не только как первое выступление в печати или выход первой книги, далеко не всегда становящиеся литературным фактом даже на уровне региона, но и как процесс вхождения в литературу, литературную среду, столь зависящую от устройства общества и культуры в данный конкретный момент. Анализ уральской литературы дает право утверждать, что количество и даже качество женских дебютов во многом зависят от отношения внутри культуры к женской картине мира. В свою очередь, хронологические рамки исследования позволяют показать, как трансформировались практики подобных литературных дебютов в зависимости от культурных установок той или иной эпохи: от прессы 1900–1910-х гг., наполненной женскими именами, — через кризисную эпоху революции, Гражданской войны и становления советской власти — к 1930-м гг., сделавшим ставку на институализацию и идеологизацию пространства литературы, но в то же время давшим шанс на реализацию немалому количеству женщин-авторов, которые вполне осознанно выберут профессию, направление деятельности и останутся в литературе надолго.

Ключевые слова: литературный дебют, женщина-автор, женское письмо, литература Урала, русская литература первой трети XX в., советская литература.

Информация об авторе: Юлия Сергеевна Подлубнова — кандидат филологических наук, научный сотрудник, Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук, ул. С. Ковалевской, д. 16 а, 620108 г. Екатеринбург, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5210-0861>

E-mail: tristia@yandex.ru

Для цитирования: Подлубнова Ю.С. «Я в розовом платье, веселом и ярком...»: Женские литературные дебюты на Урале (1900–1930-е гг.) // Фемининность и маскулинность в культуре модерна: Россия и зарубежье / отв. ред. В.Б. Зусева-Озкан. М.: ИМЛИ РАН, 2023. С. 292–314.

<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0740-3-292-314>

© 2023. Yulia S. Podlubnova

“I’M IN A PINK DRESS, CHEERFUL AND BRIGHT...”: WOMEN’S LITERARY DEBUTS IN THE URALS (1900–1930s)

Abstract: The article is based on extensive and in some cases not previously introduced into scientific circulation material from the literature of the Urals in the 1900–1930s. We consider the phenomenon of female literary debut in various aspects, understanding it not only as the first appearance in the press or the release of the first book which does not always become a literary fact even at the regional level, but also as a process of entering literature, a literary environment that is so dependent on the structure of society and culture at this particular moment. Analysis of the Ural literature gives the right to assert that the number and even quality of female debuts largely depend on the attitude within culture towards the women’s optics. In turn, the chronological framework of the study allows to show how the practice of such literary debuts was transformed depending on the cultural attitudes of a particular era: from the press of the 1900–1910s, filled with female names — through the crisis era of the revolution, Civil War and formation of Soviet power — to the 1930s with their institutionalization and ideologization of the space of literature but, at the same time, the chance of self-realization for a large number of women writers, who will consciously choose their profession, activity and will remain in literature for a long time.

Keywords: literary debut, female authors, women's writing, literature of the Urals, Russian literature of the first third of the 20th century, Soviet literature.

Information about the author: Yulia S. Podlubnova, PhD in Philology, Research Fellow, Institute of History and Archeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, S. Kovalevskaya, 16, 620108 Yekaterinburg, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5210-0861>

E-mail: tristia@yandex.ru

For citation: Podlubnova, Yu.S. “‘I’m in a Pink Dress, Cheerful and Bright...’: Women’s Literary Debuts in the Urals (1900–1930s).” *Femininity and Masculinity in the Modernist Culture: Russia and Abroad*. Ex. ed. Veronika B. Zuseva-Özkan. Moscow, IWL RAS Publ., 2023, pp. 292–314. (In Russian)

<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0740-3-292-314>

Литературный дебют довольно часто определяется как первая публикация автора. К примеру, биографы М.А. Кузмина Н.А. Богомоллов и Дж. Малмстад пишут, что дебют поэта состоялся, «когда в декабре 1904 года вышел в свет альманах “Зеленый сборник стихов и прозы”, где был напечатан цикл стихотворений Кузмина “XIII сонетов” и пьеса (точнее — оперное либретто) “История рыцаря Д’Алессиво”» [Богомоллов, Малмстад, с. 122]. «В межвоенные годы выходцы из России становятся заметным явлением в английском обществе, и А. Кристи, которая дебютирует в 1920 году романом “Таинственное происшествие в Стайлзе”, многократно обращается к образам русских эмигрантов в произведениях этого периода» [Тернопол, с. 616], — обозначает выход первого романа Агаты Кристи как литературный дебют Т.В. Тернопол. Именно такой подход запечатлен в библиографическом справочнике И.Ю. Охлопкова, фиксирующем первые публикации самого широкого круга авторов [Охлопков].

Однако на практике литературный дебют — феномен комплексный, имеющий довольно разные измерения: от биографического до социокультурного, от художественного до рецептивного, потому что дебют — это не только первый обнародованный текст автора, но и ряд обстоятельств, связанных с тем, каким образом этот текст был написан и представлен публике, а также с рецепцией написанного. При вхождении автора в литературу имеют значение и его эстетическая платформа, и устройство писательского быта, и аспекты формирования литературной репутации, и то, что Б.В. Дубин обозначил как институциональную структуру общества [Дубин, с. 112], да и в целом общественно-политическая и социокультурная ситуация.

Приведем высказывание И. Шевеленко:

Литературные дебюты имеют свою «нормативную поэтику», и кавычки здесь нужны лишь потому, что ее правила не писаны. Изменяясь во времени и являясь составной частью литературной культуры любой эпохи, эти правила одновременно и отражают, и программируют структуру литературной жизни. Успешность или неуспешность дебюта впоследствии может восприниматься как совершенно второстепенная составляющая творческой биографии автора. Соответствие или несоответствие дебюта существующему обычаю, т. е. «ритуальная», конвенциональная его сторона, раскрывает модель поведения, которую сознательно или спонтанно избирает для себя начинающий автор, и часто отражает важные особенности его культурной личности, в основе своей остающиеся неизменными [Шевеленко, с. 15].

Не случайно о дебютах чаще всего пишут биографы. «Однако вернемся к дебюту Кузмина в литературно-художественном Петербурге 1906 года» [Богомолов, Малмстад, с. 171], — предлагают Н.А. Богомолов и Дж. Малмстад, как бы забывая о ранее обозначенном дебюте 1904 г. «Первый сборник начинающей поэтессы “Скифские черепки” (1912) отражает достаточно короткий, но яркий период в ее жизни: в 1910 году она выходит замуж за Д.В. Кузьмина-Караваева и окунается в литературную жизнь Петербурга» [Кузнецова, с. 264], — объединяет выход сборника и участие Е.Ю. Кузьминой-Караваевой в литературной жизни Е.В. Кузнецова. «Начинать литературные выступления сразу выпуском сборника было не принято. Этот путь опять-таки мог быть уделом дилетанта, не имевшего иных возможностей увидеть свои стихи напечатанными. Для тех же, кто имел иные амбиции, нормой был дебют в журнале или альманахе, связывавший имя начинающего автора с тем или иным литературным кругом...» [Шевеленко, с. 16], — рассматривает И. Шевеленко выпущенный М.И. Цветаевой за свой счет дебютный сборник.

Если исходить из понимания дебюта как социолитературного феномена, то стоит учитывать ряд факторов, имеющих определяющее значение для автора, решившегося вступить на путь профессионального литератора. К ним относятся, ко всему прочему, гендерный порядок, формирующий как идентичность и литературные стратегии пишущего, так и особенности его поведения в литературной среде и литературном пространстве.

Вхождение женщины в литературу в XIX–XX вв. можно сравнить с проникновением в запретную или полузапретную библиотеку (ис-

пользуем символику Е.А. Ган), что, вслед за И.Л. Савкиной, стоит интерпретировать как «символическое вторжение женщины в запретный мужской мир, где, по Лакану, женщине нет места» [Савкина, с. 159]. Именно в точке входа пишущей приходится выбирать стратегии адаптации к существующим порядкам и в целом патриархальной культурной матрице, а также формы противостояния им. Литературные дебюты в этом смысле, как правило, обозначают адаптивные стратегии существования женщин в мужском мире литературы и лишь иногда еще что-то, что выходит за рамки предписанных им культурных ролей. Но в целом женские дебюты говорят о литературной эпохе не меньше, чем о самих писательницах.

Почему именно уральские женщины-авторы стали объектом исследования? Литература той или иной эпохи, как правило и в первую очередь, описывается в ее ядерной, центральной части, поскольку такая работа имеет отношение к формированию так называемого литературного канона (по Г. Блуму). Обращение к маргиналиям значимо главным образом для историков литературы и в контексте реконструкции исторического и ценностно-смыслового пространства того или иного поля. Канон в некотором роде лишает тексты, выполняющие роль шедевров, историко-литературного бэкграунда, в то время как периферия, напротив, консервирует его и, за неимением большего, наделяет ценностью все, что было написано и опубликовано, все это становится значимым литературным фактом. Это утверждение касается главным образом географически отдаленных территорий, неизменно определяемых как провинция и находящихся в зависимости от центра. Женские дебюты в провинции, целиком зависящие от устройства литературной жизни и литературы как таковой, с высокой интенсивностью высвечивают гендерные порядки и литературные практики своего времени. Выбор же непосредственно писательниц Урала определяется как слабой изученностью их опыта, выпадением их из культурной памяти, так и необходимостью проанализировать, как и в какой мере литературные дебюты в провинции соотносятся со столичными. Есть ли сходство, копирование практик, или это что-то уникальное?

Если говорить про конец XIX – начало XX в., то, с одной стороны, фигура женщины в литературе не воспринимается как нечто экстраординарное, женское авторство получает все большее распространение, с другой — даже во внешне эмансипированной литературе Серебряного века женщины в общем ряду писателей не были явлением массовым, а фемининная проблематика зачастую вос-

принималась как занятная, даже порой экзотическая, но вторичная по отношению к «большой» мужской литературе (см. знаменитые слова А.А. Блока об А.А. Ахматовой: «Она пишет стихи, как перед мужчиной, а надо, как перед Богом» (цит. по: [Максимов, с. 515]), маргинализирующие женское письмо).

Однако количество писательниц в культурных столицах и в провинции существенно различалось. В центральных городах Российской империи были успешные примеры издательниц (Л.Я. Гуревич, П.С. Соловьева и др.), да и женщин-критиков, поэтесс, журналисток было все же больше. Приблизительные подсчеты, сделанные на основании литературных публикаций в екатеринбургской прессе начала XX в., показывают, что тексты, подписанные женщинами (не взявшими мужские псевдонимы), составляют всего около 2–3% от общего числа. И это без анализа содержания текстов и оценки представленности в них женской картины мира. Подобный гендерный дисбаланс в провинциальной литературной жизни, помимо обозначения патриархального порядка внутри социума, тем не менее, определял возможности для дальнейшей эмансипации, которая, казалось бы, должна была произойти уже в советской литературе (хотя по факту произошла только в постсоветской).

То, что мы обращаемся к прессе, также имеет значение для характеристики литературной ситуации конца XIX – начала XX в., поскольку региональная литература была связана не столько с книгоизданием, не очень развитым в губернских, а тем более уездных городах, сколько именно с газетами, пережившими бурное развитие как сегмент общественной жизни после реформ 1860-х гг. [Литературный процесс]. Газеты естественным образом становились площадками для литературных дебютов. И если немногочисленные региональные писательницы XIX в. выбирали для дебютов центральные журналы (например, оренбургская поэтесса Ольга Крюкова дебютирует в 1833 г. в «Дамском журнале», пермская Екатерина Словцова-Камская публикует повесть «Любовь или дружба» в «Русском вестнике» в 1859 г., в одном номере с «Дворянским гнездом» И.С. Тургенева, пермская же Анна Кирпищикова отправляет рассказ «Антип Григорьич Мережин» в «Современник», где его публикуют в 1865 г. [Литовская]), то начиная с Елизаветы Гадмер, чье стихотворение появилось в 1879 г. в газете «Екатеринбургская неделя», дебютантки стали отдавать предпочтение именно региональной прессе. На авансцену литературного процесса к концу XIX в. выходит газетный автор, балансирующий между журналистикой и литературой, и пишущие женщины не избегают общей участи.

Газета во многом определяет выбор тем и эстетических решений авторов. Здесь всегда востребована так называемая демократическая литература, условное «направление» А.А. Кирпищиковой; в годы Первой мировой войны — патриотические высказывания разных жанров; в дореволюционной «праздничной» прессе — рождественские и пасхальные истории, тексты к знаменательным датам, и только потом лирика, но и здесь предпочтение отдается стихотворениям об Урале, природе и т. д., с которыми проще дебютировать. И лишь во вторую и третью очередь могло дойти до публикации чего-то личного и женского. Хотя и женское, и личное все же пробиваются в текстах дебютанток.

Вера Каменская, например, не стесняется ни демонстрации платья, ни цветов, ни мечтаний:

Я в розовом платье, веселом и ярком,
В цветах прохожу по лугам,
И жизнь мне смеется чудесным подарком,
Моим отвечает мечтам (цит. по: [Голдин, 2007, с. 8]).

Вера Лович признается:

Смотри в мои глаза, томясь, тоскуя,
Иди за мной, послушный мне, как тень,
Но никогда тебя не полюблю я,
Не для тебя наступит яркий день! [Пермская жизнь]

Получается, что провинциальная газета популяризировала женское письмо и в некотором роде укрепляла его позиции как факта литературы. Однако фемининную проблематику нередко высмеивали и, по сути, маргинализировали в тех же газетах [Езан, Ковтунова]. К примеру, пародиями занимался екатеринбургский поэт и критик Сергей Виноградов, как бы вслед за В.Я. Брюсовым и его сборником-мистификацией от имени молодой поэтессы «Стихи Нелли» (1913) создававший под псевдонимом Нина Иванова гипертрофированно женские тексты (при этом пользовавшиеся успехом у не воспринимавшей авторской иронии публики).

Количество дебютанток и в целом пишущих женщин в начале XX в., тем не менее, было велико. Настолько, что их массив позволил исследователю уральской литературы В.Н. Голдину составить антологию «Елизавета Гадмер плюс 101 поэтесса Серебряного века» [Елизавета Гадмер] (справедливости ради стоит заметить, что в книгу он вклю-

чил не только уральских поэтесс, но и тех, кто публиковался в регионе, не проживая в нем, а также дебютанток, «засветившихся» в печати лишь с одним текстом¹). Так, в 1900–1910-е гг. в уральской прессе дебютировали Магдалина Вериги, Елизавета Виноградова, Екатерина Медведева, Надежда Одуевская, Вера Лович, Лариса Коровина и др. — назовем только самых заметных поэтесс из множества.

Однако стремительный калейдоскоп пишущих и публикующих в конце XIX – начале XX в. показывает, что женщины, которые, как правило, крайне редко рассматриваются в качестве профессиональных работников, не часто задерживаются в газете и в литературе, за рядом исключений. Так, в 1890-е Надежда Остроумова-Сигова ведет рубрику «Живые заметки» в газете «Екатеринбургская неделя». В 1900 г. Надежда Солодовникова несколько месяцев работает в редакции «Пермских губернских ведомостей». В 1903–1904 гг. Лина Левина-Тетерская публикуется в газете «Урал» целых два года. В условиях газетного авторства и газетной литературы единичная публикация или сотрудничество с редакцией в течение нескольких месяцев не имели различительного значения и становились своего рода обобщенным литературным дебютом, так что даже подчас нет смысла искать первую публикацию той или иной поэтессы в региональной прессе (тем более в некоторых случаях шансы найти подобный текст исчезающе малы). Женщина-автор крайне редко перерастает символический статус дебютантки и становится весомой фигурой внутри региональной литературы.

И еще один показательный момент: как пишет В.Н. Голдин, «в становлении и развитии уральской поэзии необходимо подчеркнуть роль женских гимназий. Практически все поэтессы — это выпускницы гимназий» [Голдин, 2006, с. 11]. Очевидно, многие писательницы конца XIX – начала XX в. вышли из гимназий, однако в провинции это был своего рода входной билет в литературу, потому как кто, если не гимназистки, были грамотны, имели представление

¹ В.Н. Голдин пишет: «<...> не все женщины, которые публиковали свои стихи в периодической печати, стали настоящими поэтессами. Многие из них обозначили свое имя в печати однократно. В качестве примера можно назвать близкие уральцам имена Марии Морицовны Абрамовой, гражданской жены Д.Н. Мамина-Сибиряка, и их дочери Елены Дмитриевны Маминой. Первая опубликовала стихотворения “Ты помнишь ли?”, “На землю тьма спустилась густая...” в “Екатеринбургской неделе” в 1890 г. <...> Их дочь посетила Екатеринбург в мае 1913 г., после смерти отца, и незадолго до своей кончины поместила в газете “Голос Урала” одно стихотворение “Небо вечернее синее, синее...” (хотя она уже ранее публиковалась в столичных изданиях)» [Голдин, 2006, с. 161].

о литературных формах и приемах и, наконец, имели возможности (главным образом через родственников и знакомых) быть рекомендованными редакторам газет и журналов.

Женские гимназические журналы и альманахи получили распространение в конце XIX – начале XX в. Они логичным образом становились площадками для литературных проб пера, первых публикаций стихов, прозы, публицистики и в провинции, небогатой профессиональными писателями, могли иметь и литературный вес [Борисов]. В 1915–1916 гг. в Первой женской гимназии Екатеринбурга выходил альманах «Общими силами», ставший естественной средой для дебютных выступлений. В нашем распоряжении оказались два номера за 1915 г. (№ 3 и № 4), которые продемонстрировали, что публиковавшиеся здесь ученицы поголовно скрываются за инициалами или псевдонимами (в том числе мужскими: Карандашик, Лель), поэтому сложно что-либо сказать об их дальнейшем пути в литературе. Да и само обращение к псевдонимам более чем примечательно: и не только как знак времени (псевдонимы в газете были общим местом), но и как маркер неготовности пишущих к большому литературному дебюту. Однако и такой «недодебют» в гимназической прессе высвечивал тенденцию к стремительному увеличению в начале XX в. пишущих и готовых публиковаться женщин.

Таким образом, вплоть до становления советской власти на Урале «ежегодно в периодической печати появлялось 5–8–11 новых женских имен», и «это был действительно подъем и в количественном, и качественном отношении» [Голдин, 2006, с. 12].

Поменялось ли что-либо в 1920-е гг. с их широко обозначенной эмансипаторной политикой, практиками ликбезов, рабфаков и культурной мобилизацией пролетариата? Проще ли стало женщине проявить себя на литературной арене? «Оглянитесь кругом, присмотритесь, задумайтесь, — новая женщина — она есть, она существует. Вы ее уже знаете, вы уже привыкли встречаться с нею в жизни на всех ступенях социальной лестницы, от работницы до служительницы науки, от скромной конторщицы до яркой представительницы свободного искусства» [Коллонтай, с. 3], — утверждала, например, А.М. Коллонтай.

Однако если следить за уральскими газетами и литературными журналами, то именно в 1920-е гг. обозначился кризис женского авторства и письма, представительниц свободных искусств стало на порядок меньше, чем в дореволюционные годы.

С одной стороны, публицистические отделы новых, уже советских изданий были наполнены пламенными воззваниями созда-

вать женотделы, освободить женщину от гнета домашнего труда, превратить ее в общественницу и пр. Призывы к «освобождению» и «включению в ряды» были неизменным элементом советской внутривластной риторики того времени, которая, впрочем, подтверждалась вполне конкретными действиями, самым существенным из которых стало предоставление в Конституции 1918 г. избирательного права всем гражданам страны, вне зависимости от биологического пола.

Шагайте в ногу с Октябрем,
Не страшны жизни нам буруны —
Мы пролетарские бойцы,
Мы женщины — творцы коммуны! [Стенкорка] —

писал, например, автор, пожелавший остаться под псевдонимом Стенкорка.

С другой стороны, в связи с постреволюционной перестройкой печати, прежняя политика публикации литературных произведений была кардинально пересмотрена. Постреволюционные газеты требовали от авторов идеологического соответствия духу времени и делали ставку на пролетарскую молодежь. Женская картина мира и женская лирика чем дальше, тем больше не вписывались в новые газетные рамки и в повестку, которую формировала эпоха. «Участие в социалистическом строительстве, т. е. социально-политическая функция, объявляется приоритетной по сравнению со всеми остальными» [Шабатура, с. 194], — это то, что ожидалось от советской женщины, которой приходилось встраиваться в мир мужских профессий и перенимать мужские модели поведения.

Показательно, что многие из поэтов Серебряного века были вынуждены оставить в прошлом или приостановить занятия лирикой и решительно вступить на ниву советской журналистики. Мы можем говорить о феномене вторичных дебютов. Так, в 1920-е гг. на Урал приезжают эмансипированные Л.И. Рейснер и Е.Г. Полонская, занявшись советской очеркистикой (в случае Рейснер даже производственной [Подлубнова]). Уже их обновленный внешний вид — кожаная куртка и кепка спецкора — напрочь отрицает феминность. Примерно тогда же перестраивается и Елена Ранова (Николаева), дебютировавшая в начале 1920-х вместе с ничеговыми, но в 1924 г. вынужденно поехавшая вслед за мужем в уральскую ссылку. После некоторой творческой паузы она выбирает псевдоним Елена Сталь (с легко считываемым политическим подтекстом) и начинает

печататься в местной прессе. Из фемининной красавицы прошлой эпохи она превращается в советскую женщину-журналиста, что заставило критика Льва Левина заметить, будто внешне она подражала не то Ларисе Рейснер, не то Зинаиде Рихтер [Левин, с. 321]. Решительная перестройка творческой личности Е.А. Рановой (Николаевой) связана с переосмыслением отношения к советской власти. Новые идеологемы и социально-политические преобразования определяют ее путь из художественной богемы в советские поэты и заставляют вторично дебютировать уже в новом качестве.

В связи с перестройкой общественной жизни, повлекшей реформатирование литературного пространства, путь в поэты и писатели в 1920-е гг. лежал через кружки и группировки, а также разного рода общественную деятельность и работу в редколлегиях. К примеру, Лидия Сейфуллина, дебютировавшая в 1907 г. в оренбургской газете «Простор», в 1918 г. становится членом редколлегии еженедельника «Оренбургское земское дело», в 1919–1921 гг. работает библиотекарем в Челябинске и пишет пьесы для организованного ею детского театра. После обучения в Москве на Высших научно-педагогических курсах она становится секретарем новосибирского Сибгосиздата, входит в редколлегию журнала «Сибирские огни» и уже полноценно дебютирует в Новосибирске.

Показательно также, что Уральская литературная ассоциация, организованная в 1922 г. приехавшим из Москвы и возглавившим екатеринбургский Губполитпросвет Борисом Малкиным, не была представлена ни одним женским именем. И только спустя пять лет в литературном кружке при свердловской молодежной газете «На смену!» появляется поэтесса Евгения Медякова. Первые ее стихотворения, опубликованные в уральской печати («Весна», «Весна в порту», «Футбол», «Девушки из Кореи», «На лыжах»), несмотря на акмеистическую поэтику, в целом соответствовали линии комсомольской поэзии, нивелирующей гендер автора и отражающей советскую политическую повестку.

Две девушки
Елены Ким,
Пришедшие сюда
Учиться,
Нам станут
Знаменем живым
В борьбе
За светлые страницы! [Медякова]

Или другой пример. В 1918 г. при 2-й районной библиотеке Перми организуется «кружок саморазвития» или литературное объединение Второрайонное, собравшее 17–18-летних литераторов. Хотя руководителем кружка является бывший секретарь подпольной пермской ячейки РКП(б) библиотекарь Зоя Будрина, основной состав лито — мужской. И только в 1926 г. в Перми в литгруппе «Мы» (выросшей из Второрайонного) появляется Елена Вечтомова, чьи дебютные публикации можно найти в уральской прессе. Диапазон ее лирики на страницах газет разнообразен: от интимной (не лишенной ахматовских интонаций) до комсомольской, агитационной и репортажной.

Задержались у темной лестницы.
Скоро месяц над крышами свесится,
Изогнет удивленную бровь,
Загорится реки серебро.
Заглянувши в мои глаза,
Ты с хорошей улыбкой сказал:
— В городах и средь северных скал
Я такую давно искал...
Редко видел таких простых,
И товарищ хороший ты...
Вместе двинем по дням лихим,
У обоих Москва... стихи... [Вечтомова, 1927 b];

Будешь ты гордиться Днепростроем,
Больше песен сложим мы тебе [Вечтомова, 1927 a].

Немногочисленные женщины, приходящие в региональное литературное пространство во второй половине 1920-х гг., уже имеют шансы задержаться в литературе на продолжительное время — до конца 1980-х – начала 1990-х гг., если речь идет о Е.П. Медяковой и Е.А. Вечтомовой. И хотя в советские газеты тексты по-прежнему присылало немало женщин, но крестьянки и работницы, не связанные с литературными кружками УралАППа, оказывались вне уже четко очерченной зоны официально признанной литературы, т. е. как бы и не дебютантками вовсе. При этом путь каждой профессиональной писательницы начиная с литературного дебюта по-прежнему был связан с одобрением со стороны наделенных статусом мужчин, являвшихся фигурами литературной власти 1920-х гг. Вероят-

но, не случайно уральские поэтессы 1920-х будут состоять в браке с писателями: Е.А. Ранова (Николаева) — с Александром Рановым, Е.П. Медякова — с Александром Исетским, Е.А. Вечтомова — с Юрием Инге, который увезет ее в Ленинград, где она будет общаться со своим поэтическим кумиром Н.С. Тихоновым. Собственно, это и есть самый существенный показатель ничуть не разрушенной революционными преобразованиями патриархальности социума и литературного пространства, из которого оказался вымыт целый пласт дореволюционной культуры, а вместе с ним и множество пишущих и независимо мыслящих женщин.

Наметившееся в конце 1920-х гг. и ставшее общим местом в 1930-е гг. возвращение от модели активистки и комиссара «в пыльном шлеме» к более фемининным моделям поведения советской женщины [Паперный], тем не менее, не повлияло на литературные расклады. Советская литература развивалась в направлении профессионализации и институализации. Так, УралАПП, при поддержке Уралобкома полностью сосредоточившая в своих руках литературную власть в регионе, преобразовалась в 1932 г. в Свердловское отделение Союза писателей (из которого затем выделились, вместе с образованием административных областей, Челябинское и Пермское отделения). К этому времени четко определились секторы развития литературы: поэзия, проза, критика, драматургия, детская литература. В связи с развитием ГИЗа и его приходом на областной уровень (создание сети ОГИЗов), а также становлением органов советской цензуры, существенную роль стал играть институт редакторства. Женщины как профессионалы оказались востребованными везде, так что именно 1930-е гг. было бы справедливо называть временем большого количества женских дебютов.

В уральской поэзии, кроме продолжавшей творческую деятельность Е.П. Медяковой, стали заметны юнкор Люся Буторина (публиковалась преимущественно в пионерской газете «Всходы коммуны», активно взращивавшей юнкоров и деткоров), приехавшая из Ленинграда Белла Дижур (поэтесса и прозаик, редактор, в будущем мать скульптора Эрнста Неизвестного), а также Людмила Татьяничева. Именно лирика Л.К. Татьяничевой полноценно вернула в уральскую поэзию женскую картину мира. Как пишет Т.Н. Маркова, «трепетное любовное волнение гордого девичьего сердца героини, стоящей “на пороге взрослости”, — вот главный мотив первых ее стихотворений: “Подари мне шелковый платок”, “Шарф и платье выглажу”, “Не тропой иду — сторонкой”, “Я дорогу протору” и других» [Маркова, с. 9 10]. На язык и образность ранней

лирики Л.К. Татьяничевой, без сомнения, повлияли фольклор и увлечение поэзией А.А. Ахматовой.

Не сказала, подумала горько,
Что пошла за тобой на беду.
Ничего, провожу до пригорка,
Покачаю рукой — и уйду.
Не согнусь от голодной печали
И, по-прежнему крепко любя,
Точно счастье свое, укачаю
Малыша, что похож на тебя [Татьяничева, 1934, с. 30].

Впрочем, комсомольская и производственная проблематика была вовсе не чужда поэтессе, работавшей после окончания семилетки токарем на вагоностроительном заводе и затем добровольно отправившейся на строительство Магнитогорского металлургического комбината.

Как дружить с песней, танцевать матлот,
Если друг-ровесник — командир высот?..
Если ночью снится, лишь прикрой глаза,
Как стальные птицы реют в небесах [Татьяничева, 1935, с. 37].

Много профессионально пишущих женщин появляется в детской литературе (ее развитие активно поддерживает УралАПП, а затем СП). Ею будут заниматься и Е.П. Медякова, и Б.А. Дижур, и поэтесса Елена Хоринская, переехавшая в 1935 г. в Свердловск из Бурятии и тем самым спасаясь от репрессий, и пермская поэтесса Евгения Трутнева, и Елена Владимирова, дочь петербургского адмирала, опубликовавшая незадолго до своего ареста в 1937 г. в челябинском альманахе «Стихи и проза» «Сказку о крысолове». Детское творчество также не окажется обойденным вниманием женщин-критиков: см. статьи К.В. Рождественской «Поэтика детских стихов» и «Фольклор Урала. Детский фольклор», напечатанные в 1935 г. в журнале «Штурм».

В уральской драматургии в 1930-е гг. заявляют о себе Надежда Лобова [Лобова, Пермь] и Клавдия Филиппова, дебютировавшая в свердловской прессе с автобиографическими рассказами, но создававшая также пьесы для ТюЗа и кукольного театра. В 1943 г. она займется инсценировкой сказов П.П. Бажова: ее «Синюшкин колодец» поставит Свердловский театр кукол, а «Сказы старого Урала» будут написаны специально по заказу Московского театра кукол

и рекомендованы к постановке Кабинетом советского театра для детей при Всесоюзном управлении по делам искусств.

Женские голоса и мнения стали заметны и в уральской критике, в литературоведении. Помимо К.В. Рождественской, статьи о классиках и современниках активно публикует занимавшаяся организацией литературного музея в Свердловске Зоя Ерошкина. «Наша литература оказалась беднее действительности, в ней образ женщины, участницы великой стройки, далеко не занимает того места, какое ему принадлежит в жизни, и в этом отношении повесть “Варвара Потехина” является интересной и нужной книгой для нашего читателя» [Ерошкина, с. 162], — напишет она о дебютной повести «Варвара Потехина» (1935) уральской писательницы Ольги Марковой.

Масштабный вклад в становление уральской литературы внесли редакторы К.В. Рождественская (СвердлОГИЗ, занималась в том числе подготовкой к печати сказов П.П. Бажова) и Е.М. Блинова (также сыгравшая важную роль в литературной судьбе П.П. Бажова) [Журавлева].

Наконец, в прозе, помимо названных К.В. Филипповой и О.И. Марковой, стали заметны Нина Попова (сказ «Аманаты старой Мангазеи» в свердловском журнале «Рост» в 1930 г.) и Агриппина Кореванова — самая яркая дебютантка 1930-х гг.

Примечателен случай писательницы Агриппины Коревановой как случай отсроченного на сорок лет дебюта. Писавшая с 1894 г. стихи, пьесы, дневники женщина из народа, пролетарка, работница, ровесница А.М. Горького дебютировала в печати только в 1933 г., когда свердловский журнал «Штурм» опубликовал ее автобиографическую книгу «Моя жизнь». Публикация была замечена Горьким, который отредактировал и включил произведение в серию «История фабрик и заводов», тем самым сделав А.Г. Кореванову настоящей знаменитостью. В 1934 г. в качестве делегата от Уральской области ее направили на Всесоюзный съезд писателей. А трибуны для выступлений в печати отныне ей предоставляли центральные газеты. Однако плоды всесоюзной славы пожинать писательнице довелось недолго: она умерла в феврале 1937 г., так и не написав вторую книгу².

Дебют Коревановой значим тем, что он утвердил в советской литературе автодокументальное женское письмо (что пыталась сделать в 1920-е гг. Л.М. Рейснер с книгой «Фронт»). «Немые до Окт. ре-

² Многие уральские дебютантки 1930-х гг. сделали блестящую литературную карьеру. Например, Н.А. Попова в 1950–1960 гг. возглавляла свердловское отделение СП, являлась зам. председателя Свердловского областного комитета защиты мира,

волюции женщины-крестьянки и рабочие начинают сами, своими словами рассказывать о своем прошлом» [Горький, с. 5], — писал в предисловии к «Моей жизни» А.М. Горький, подчеркивая исключительное историческое значение книги. «За героической ипостасью главной героини Коревановой — пролетарки, в новых исторических обстоятельствах создающей текст о движении из тьмы к свету, возникает образ простодушной, всю жизнь прожившей в нищете женщины, для которой прекрасное настоящее — это первомайский «прием в Рабочем дворце» с обедом из трех блюд» [Литовская, Подлубнова, с. 19].

Что же заставляло меня писать? — задавалась вопросом автор книги. — Я думаю, две причины.

Первая причина — моя неудачная жизнь толкала меня на самоубийство. И вот я решила записать все мои мученья, чтобы нашли люди после смерти мои тетради и узнали бы причину, заставившую меня покончить с собой.

Вторая причина — это злоба и ужас перед несправедливостью жизни, гнев за угнетение женщины и за ее бесправие, жалость к бедным и ненависть к тугому кошельку. Обо всем этом я писала, хотя и неумело, плохими литературными словами, но с жаром и горечью [Кореванова, с. 103].

Дневниковое письмо стараниями автора и редакторов оформлено в книгу о женщине-работнице, преодолевшей классовую немоту и женскую суровую долю и ставшей в одночасье советской писательницей, чуть ли не голосом своего поколения. «Путь т. Коревановой — это путь многих. И ее личная биография воспринимается как биография миллионов. В том и заключается ее сила и значение»

была делегаткой II и III съездов писателей СССР. О.И. Маркова публиковалась в журналах «Новый мир», «Крестьянка», «Огонек», «Наш современник», ее книги выходили в Москве, а по мотивам сборника «Половодье» была написана опера. Л.К. Татьяничева возглавляла Челябинское областное издательство, переехала в Москву, заняла место секретаря правления СП РСФСР и стала членом правления СП СССР. Песни на ее стихи исполняли Людмила Зыкина и Валентина Толкунова. Б.А. Дижур, пережившая в конце 1940-х гг. кампанию по борьбе с безродными космополитами, была близка диссидентским кругам, а после того, как ее сын скульптор Эрнст Неизвестный эмигрировал в США, переехала из Свердловска в Юрмалу (в 1983 г. она получила премию Корчаковского комитета, ФРГ), чтобы затем в 1987 г. при помощи Е.А. Евтушенко покинуть СССР. Умерла в возрасте 102 лет в Нью-Йорке. Отзывы о ее стихах оставили Сергей Довлатов и Василий Аксенов.

[Михайлов, с. 203], — утверждала советская критика. Но, откровенно говоря, многие ли советские женщины смогли открыто и громко рассказать о травматическом опыте и жизни, наполненной домашним насилием и социальной депривацией?

* * *

Даже если принять во внимание тезис, что исследования уральского сегмента обширного пространства русской литературы не могут претендовать на универсальное обобщение, они все же позволяют выявить некоторые важные закономерности. В частности, мы можем говорить о том, что литературный дебют, и особенно женский, зачастую не сводится к первой публикации, поскольку далеко не всякое выступление в печати становится литературным фактом даже внутри региона, не говоря про столичную или общероссийскую культуру. Дебютом, скорее, имеет смысл обозначать некоторый процесс вхождения в литературу: через публикации, сотрудничество с газетами и журналами, участие в литературной жизни того или иного города и т. д. — конкретный набор шагов зависит от общего устройства литературного быта в ту или иную эпоху. Причем сам процесс вхождения не может не быть проблематичным — и не только в связи с тем комплексом вопросов, которые приходится решать всякому литератору без имени, но и по причине патриархального устройства профессиональных сред (особенно провинциальных), неизбежно маргинализирующих женскую деятельность. При этом мы бы не стали утверждать, что провинция была более предубеждена против пишущих женщин³, скорее, наоборот, опубликовать плоды своего творчества здесь было проще, чем в столице.

Анализ уральского литературного пространства в конце XIX в. демонстрирует преобладание дебютов в местных (а не центральных) газетах и журналах, а также наличие таких полулитературных-полулюбительских форм, как гимназические альманахи. В первой трети XX в. количество женских дебютов и в некоторой степени их качество зависели не только от доступа к образованию (гимназии, ликбезы, школы, рабфаки, литературные кружки и пр.), но и от отношения внутри культуры к женской картине мира и проявлениям

³ В провинции вопросы вызывали зачастую не занятия литературой сами по себе, но *modus vivendi* некоторых писательниц. В частности, по воспоминаниям современников, Е.А. Слозцовой-Камской пришлось переехать в столицу, поскольку в губернской Перми окружение относилось к ней настороженно: обывателей шокировали ее короткая стрижка и привычка носить мужскую одежду [Кончаковская, с. 59].

феминности. И если первые два десятилетия XX в. показывали уверенный рост женского авторства и женского письма, то 1920-е гг. с их громкой риторикой освобождения женщины от векового рабства домашнего труда и мобилизационной логикой перераспределения трудовых ресурсов, напротив, сократили число дебютанток и привели к вымыванию феминного слоя из региональной культуры. Постреволюционная эпоха диктовала маскулинные модели поведения и требовала более жесткого встраивания в профессиональные среды — не всякая пишущая женщина была готова к подобным радикальным трансформациям.

Однако 1930-е гг., с их накопившимся с 1920-х образовательным и эмансипационным потенциалом и выстроенными механизмами вовлечения в литературу, а также с реабилитацией некоторых аспектов женскости, обозначили существенный прирост числа женщин на всех направлениях литературной деятельности. В качестве новых форм литературных дебютов можно выделить *вторичные и отсроченные дебюты*, а также отметить все бóльшую институализацию литературы, при которой стала невозможной публикация автора вне рекомендации профессиональных организаций, выступление в печати за свой счет или в индивидуальном порядке. Фактически женская картина мира вернулась в уральскую литературу, и возвратились характерные для женской писательской традиции исповедальная лирика и автодокументальное, или «зеркальное», по выражению И.Л. Савкиной, письмо. Это означало, что путь для женщин в профессиональную сферу литературы открыт и никак не лимитируется с точки зрения гендерных предрассудков (хотя, конечно, тематически ограничивается и стандартизируется для полного соответствия советской идеологии и приемам соцреализма). Женское письмо, пусть и заключенное в советскую идеологическую рамку, стало непреложным фактом литературы советского времени⁴.

⁴ Выражаю благодарность Е.В. Кузнецовой за ценные замечания, использованные в этой статье.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

- Вечтомова Е. В пути // Уральский рабочий. 1927. 20 ноября.
Вечтомова Е. Стихотворение // Уральский рабочий. 1927. 30 октября.
Ерошкина З. О «Варваре Потехиной» // Штурм. 1935. № 4–5. С. 159–162.
Кореванова А. Моя жизнь. М.: Гос. изд-во «История заводов», 1936. 342 с.
Лобова Н., Пермьяк Е. Живая театрализованная газета: пособие для редакторов и руководителей живых газет. М.; Л.: ОГИЗ, 1931. 76 с.
Медякова Е. Девушки из Кореи // На смену! 1928. 18 марта.
Пермская жизнь. 1916. 23 марта.
Стенкорка. Октябрь и женщина // Рабочий журнал. 1925. № 21. С. 14.
Татьяничева Л. Командир высот // Штурм. 1935. № 7–8. С. 37.
Татьяничева Л. Сын // Штурм. 1934. № 10. С. 30.

Исследования

- Богомолов Н., Малмстад Дж. Михаил Кузмин: Искусство, жизнь, эпоха. СПб.: Вита Нова, 2007. 560 с.
Борисов С.Б. Женские гимназии в России как исторический и социокультурный феномен. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2018. 129 с.
Голдин В.Н. «Ветер сорвал поцелуями листья...» (уральские поэтессы конца XIX – начала XX вв.) // Третьи Чупинские краеведческие чтения. Екатеринбург: Свердловская обл. науч. б-ка им. В.Г. Белинского, 2006. С. 160–165.
Голдин В.Н. Забытые поэзия и литераторы Урала. Екатеринбург, 2007. 216 с.
Горький М. Предисловие // Кореванова А. Моя жизнь. М.: Гос. изд-во «История заводов», 1936. С. 5–6.
Дубин Б. Слово — письмо — литература. Очерки по социологии современной культуры. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 416 с.
Езан И.Е., Ковтунова Е.А. Феминность в комическом медиадискурсе Германии и России в конце XIX – начале XX века // Немецкая филология в СПбГУ. 2021. Т. 11. С. 155–183.
Елизавета Гадмер плюс сто одна поэтесса Урала конца XIX – начала XX веков / сост. В.Н. Голдин. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2005. 262 с.
Журавлева Н.С. Е.М. Блинова и литературное движение на Урале в 1930-е годы // Гороховские чтения: материалы второй региональной музейной конференции. Челябинск: Челябинский обл. краеведческий музей, 2011. С. 119–122.
Коллонтай А. Новая женщина // Новая мораль и рабочий класс. М.: Изд-во ВЦИК Советов Р., К. и К. Депутатов, 1919. С. 3–35.

- Кончаковская Н.Б. К вопросу о новом типе женской идентичности в городах Пермской губернии во второй половине XIX века // Проблемы модернизации современного российского государства. Стерлитамак: Стерлитамакский филиал ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», 2018. С. 57–62.
- Кузнецова Е.В. Проекция феминности в лирике Е. Кузьминой-Караваевой // Женщина модерна. Гендер в русской культуре 1890-х – 1930-х годов. М.: Новое литературное обозрение, 2022. С. 262–286.
- Левин Л. Такие были времена. М.: Сов. писатель, 1991. 396 с.
- Литературный процесс в региональной периодической печати 1830–1930-х гг.: от «Заволжского муравья» к «Уральскому рабочему». Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2016. 424 с.
- Литовская М.А. «Никому не родная родина»: тема региональной идентичности в творчестве уральских писательниц XIX – начала XX века // Уральский исторический вестник. 2009. № 1 (22). С. 60–65.
- Литовская М.А., Подлубнова Ю.С. Авторство как «достижение рабочего человека» в автобиографических книгах уральских рабочих 1930-х годов // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2020. Вып. 4 (51). С. 16–25.
- Максимов Д.Е. Поэзия и проза А. Блока. Л.: Сов. писатель, 1975. 552 с.
- Маркова Т.Н. Песня об Урале. Очерк творчества Людмилы Татьянической. Челябинск: Энциклопедия, 2015. 173 с.
- Михайлов Л. От крепостничества к пролетарской революции // Штурм. 1934. № 5. С. 203–207.
- Охлопков И. Дебюты русских писателей XIX–XX веков. М.: Захаров, 2007. 200 с.
- Паперный В. Культура Два. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 412 с.
- Подлубнова Ю.С. Урал заводов и рудников в эго-текстах Ларисы Рейснер // Эго-документы: Россия первой половины XX века в межстечниковых диалогах. М.; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2021. С. 213–225.
- Савкина И.Л. Разговоры с зеркалом и Зазеркалем. Автодокументальные женские тексты первой половины XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 416 с.
- Тернополь Т.В. Первая волна русской эмиграции в детективах А. Кристи. Женские образы // Женщина модерна. Гендер в русской культуре 1890-х – 1930-х годов. М.: Новое литературное обозрение, 2022. С. 615–626.
- Шабатура Е.А. Гендерный анализ образа «Новой женщины» в советской культуре 1920-х годов // Омский научный вестник. 2006. № 8 (44). С. 192–196.
- Шевеленко И. Литературный путь Цветаевой: Идеология — поэтика — иден-

тичность автора в контексте эпохи. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 461 с.

REFERENCES

- Bogomolov, N., and D. Malmstad. *Mikhail Kuzmin: Iskusstvo, zhizn', epokha* [*Mikhail Kuzmin: Art, Life, Era*]. St. Petersburg, Vita Nova Publ., 2007. 560 p. (In Russ.)
- Borisov, S.B. *Zhenskie gimnazii v Rossii kak istoricheskii i sociokul'turnyi fenomen* [*Women's Gymnasiums in Russia as a Historical and Sociocultural Phenomenon*]. Moscow, Berlin, Direkt-Media Publ, 2018. 129 p. (In Russ.)
- Goldin, V.N. “‘Veter sorval potseluiami list'ia...’ (ural'skie poetessy kontsa XIX – nachala XX vv.)” [“‘The Wind Tore Off the Leaves with Kisses...’ (Ural Poetesses of the Late 19th – the Early 20th Centuries)”]. *Tret'i Chupinskie kraevedcheskie chteniia*. Ekaterinburg, V.G. Belinsky Sverdlovsk region scientific library Publ., 2006, pp. 160–165. (In Russ.)
- Goldin, V.N. *Zabytye poeziia i literatory Urala* [*Forgotten Poetry and Writers of the Urals*]. Ekaterinburg, 2007. 216 p. (In Russ.)
- Gor'kii, M. “Predislovie” [“Foreword”]. Korevanova, A. *Moia zhizn'* [*My Life*]. Moscow, Gosudarstvennoye izdatelstvo “Istoriia zavodov” Publ., 1936, pp. 5–6. (In Russ.)
- Dubin, B. *Slovo — pis'mo — literatura. Ocherki po sotsiologii sovremennoi kul'tury* [*Word — Writing — Literature. Essays on the Sociology of Modern Culture*]. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2001. 416 p. (In Russ.)
- Ezan, I.E., and E.A. Kovtunova. “Feminnost' v komicheskom mediadiskurse Germanii i Rossii v kontse XIX – nachale XX veka” [“Femininity in the Comic Media Discourse of Germany and Russia at the End of the 19th – the Beginning of the 20th Century”]. *Nemetskaia filologiya v SPbGU*, vol. 11, 2021, pp. 155–183. (In Russ.)
- Elizaveta Gadmer plius sto odna poetessa Urala kontsa XIX – nachala XX vekov [*Elizaveta Gadmer plus one hundred and one poetess of the Urals of the Late 19th – the Early 20th Centuries*]. Ekaterinburg, Bank kul'turnoi informatsii Publ., 2005. 262 p. (In Russ.)
- Zhuravleva, N.S. “E.M. Blinova i literaturnoe dvizhenie na Urale v 1930-e gody” [“E.M. Blinova and the Literary Movement in Urals in the 1930s”]. *Gorokhovskie chteniia: materialy vtoroi regional'noi muzeinoi konferentsii* [*Gorokhov's Readings: Materials of the Second Regional Museum Conference*]. Cheliabinsk, Chelyabinsk region local history museum Publ., 2011, pp. 119–122. (In Russ.)
- Kollontai, A. “Novaia zhenshchina” [“New Women”]. *Novaia moral' i rabo-*

- chii klass* [New Morality and the Working Class]. Moscow, Izdatelstvo VTsIK Sovetov R., K. i K. Deputatov Publ., 1919, pp. 3–35. (In Russ.)
- Konchakovskaia, N.B. “K voprosu o novom tipe zhenskoi identichnosti v gorodakh Permskoi gubernii vo vtoroi polovine XIX veka” [“On the Issue of a New Type of Female Identity in the Cities of the Perm Province in the Second Half of the 19th Century”]. *Problemy modernizatsii sovremennogo rossiiskogo gosudarstva* [Problems of Modernization of the Modern Russian State]. Sterlitamak, Sterlitamak branch of FSBEI HE “Bashkir State University” Publ., 2018, pp. 57–62. (In Russ.)
- Kuznetsova, E.V. “Proektsii feminnosti v lirike E. Kuz'minoy-Karavaevoy” [“Projections of Femininity in the Lyrics of E. Kuzmina-Karavaeva”]. *Zhenshchina moderna. Gender v russkoi kul'ture 1890-kh – 1930-kh godov* [Modern Woman. Gender in Russian Culture in the 1890s–1930s]. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2022, pp. 262–286. (In Russ.)
- Levin, L. *Takie byli vremena* [Such Were the Times]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1991. 396 p. (In Russ.)
- Literaturnyi protsess v regional'noi periodicheskoi pechati 1830–1930-kh gg.: ot “Zavolzhskego murav'ia” k “Ural'skomu rabochemu”* [Literary Process in the Regional Periodicals of the 1830–1930s: from the “The Zavolzhsky Ant” to the “Ural Worker”]. Ekaterinburg, Kabinetnyi uchenyi Publ., 2016. 424 p. (In Russ.)
- Litovskaia, M.A. “‘Nikomu ne rodnaia rodina’: tema regional'noi identichnosti v tvorchestve ural'skikh pisatel'nits XIX – nachala XX veka” [“‘No One's Homeland:’ Theme of Regional Identity in the Works of the Ural Women Writers of the 19th – the Early 20th Centuries”]. *Ural'skii istoricheskii vestnik*, no. 1 (22), 2009, pp. 60–65. (In Russ.)
- Litovskaia, M.A., and Yu.S. Podlubnova. “Avtorstvo kak ‘dostizhenie rabocheho cheloveka’ v avtobiograficheskikh knigakh ural'skikh rabochikh 1930-kh godov” [“Authorship as an ‘Achievement of a Working Man’ in the Autobiographical Books of the Ural Workers of the 1930s”]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seria: Istorii*, no. 4 (51), 2020, pp. 16–25. (In Russ.)
- Maksimov, D.E. *Poezia i proza A. Bloka* [Poetry and Prose by A. Blok]. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1975. 552 p. (In Russ.)
- Markova, T.N. *Pesnia ob Urale. Ocherk tvorchestva Liudmily Tat'ianichevoi* [Song on the Urals. Essay on the Work of Lyudmila Tatyancheva]. Cheliabinsk, Entsiklopediia Publ., 2015. 173 p. (In Russ.)
- Mikhailov, L. “Ot krepostnichestva k proletarskoi revoliutsii” [“From Serfdom to Proletarian Revolution”]. *Shturm*, no. 5, 1934, pp. 203–207. (In Russ.)
- Okhlopov, I. *Debiuty russkikh pisatelei XIX–XX vekov* [Debuts of Russian Writers of the 19th–20th Centuries]. Moscow, Zakharov Publ., 2007. 200 p. (In Russ.)
- Papernyi, V. *Kul'tura Dva* [The Culture Two]. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2016. 412 p. (In Russ.)

- Podlubnova, Iu.S. “Ural zavodov i rudnikov v ego-tekstakh Larisy Reisner” [“Ural of Factories and Mines in the Ego-texts of Larisa Reisner”]. *Ego-dokumenty: Rossiia pervoi poloviny XX veka v mezhistochnikovykh dialogakh* [Ego Documents: Russia in the First Half of the 20th Century in Intersource Dialogues]. Moscow, Ekaterinburg, Kabinetnyi uchenyi Publ., 2021, pp. 213–225. (In Russ.)
- Savkina, I.L. *Razgovory s zerkalom i Zazerkal'em. Avtodokumental'nye zhenskie teksty pervoi poloviny XIX veka* [Conversations with the Mirror and through the Looking Glass. Autodocumentary Women's Texts of the First Half of the 19th Century]. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2007. 416 p. (In Russ.)
- Ternopol, T.V. “Pervaia volna russkoi emigratsii v detektivakh A. Kristi. Zhen'skie obrazy” [“The First wave of Russian Emigration in the Detective Stories of A. Christie. Women's Images”]. *Zhenshchina moderna. Gender v russkoi kul'ture 1890-kh – 1930-kh godov* [Modern Woman. Gender in Russian Culture in the 1890s–1930s]. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2022, pp. 615–626. (In Russ.)
- Shabatura, E.A. “Gendernyi analiz obraza ‘Novoi zhenshchiny’ v sovetskoi kul'ture 1920-kh godov” [“Gender Analysis of the Image of the ‘New Woman’ in the Soviet Culture of the 1920s”]. *Omskii nauchnyi vestnik*, no. 8 (44), 2006, pp. 192–196. (In Russ.)
- Shevelenko, I. *Literaturnyi put' Tsvetaevoi: Ideologiia — poetika — identichnost' avtora v kontekste epokhi* [Tsvetaeva's Literary Path: Ideology — Poetics — Author's Identity in the Context of the Epoch]. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2002. 461 p. (In Russ.)